

ХРОНИКИ АРКЕН-ХАРА
**ПОСЛЕДНИЕ
МАГИ**

— ❖ —
ДАРЬЯ СТАЛЬ
СЕМЁН «EDGE» ЧЕПУРНЫХ

Семён «Edge» Чепурных

Дарья Сталь

Последние маги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70232329

SelfPub; 2024

Аннотация

После вторжения кочевников Аркен-Хар, ранее славная магическая империя, потерял почти всех волшебников. Свадьба двух одарённых наследников великих стран предвещает начало новой эпохи и возрождение магической династии. Но опытного мага Менфиса ждёт неожиданное и судьбоносное приключение вместо тихой радости за своего ученика...

Дарья Сталь, Семён «Edge» Чепурных Последние маги

*Маги не сильнее людей. Даже могучего мага
может одолеть умелый воин,
а если не один – то толпа.*

Маги не выше людей.

*Магией был создан этот мир,
а значит, она должна служить ему во благо.*

*Маги тоже люди. И бок о бок мы должны стоять
у границ нашего мира ради сохранения порядка.*

*Император Амберион,
Хроники империи Амбер,*

465 лет до Баракорского вторжения

Менфис аль-Акраби сморгнул непрошеную слезу и улыбнулся в седую бороду. Он смотрел, как по длинному, усыпанному пурпурными лепестками коридору ведут божественной красоты невесту навстречу его любимому ученику. Свадьба аландрийского принца Патриса Раакан эль-Мусиба и Элеоноры Сертан, наследницы самого известного рода волшебников Аркен-Хара, должна стать легендарной и укрепить союз

между двумя странами. Но растрогал старика в первую очередь влюблённый взгляд, каким шестнадцатилетний Патрис смотрел на девушку в белом платье, расшитом золотыми нитями.

Увидел мальчик невесту всего несколько дней назад, но, кажется, искренне и бесповоротно отдал ей сердце. Немудрено. О красоте и благоразумии принцессы слышали даже за морем, в их родной стране. Не говоря уже о том, что она была не единственной одарённой наследницей среди соседних стран. И даже при том, что Элеонора явно была лучшей партией Патрису, султан Эль-Мусиб долго вёл переговоры и наблюдал за ситуацией при дворе лорда-наместника Южного Аркен-Хара. Он не желал в жёны сыну глупую простушку, пусть даже с благородной кровью. Какова же была радость всей Аландрии, когда назначили свадьбу. На молодых возлагали большие надежды не только правители, но и волшебники, ибо пара могла возродить династию могущественных магов.

Зал во дворце лорда-наместника Южного Аркен-Хара украсили на славу. С постамента временно убрали трон, выделив рядом место для музыкантов. На возвышенности выстроили арку до потолка, украшенную алыми маками и белыми розами, символами любви и семьи. Живые цветы украшали и столы, и даже наряды благородных дам, а свежесть цветов поддерживал Водными заклятиями Менфис. Он не любил растрчивать силы на дешёвые фокусы вроде

таких, но служба при правителе заставляла мириться. К тому же Патрис заслуживал идеального праздника. К своим почти шестидесяти старый маг посмотрелся всяких султанов и знал, что из его воспитанника вырастет прекрасный правитель.

На мраморном полу расположили столы и удобные кресла для дворянских семей, а позади них несколько скамей попроще для приглашённых из города глав гильдий и менее знатных родственников. Гости расселись сильно заранее, почти час назад, но до церемонии столы традиционно были пусты. Стены зала, как и мебель, в честь события задрапировали в цветах двух стран: багрянец слева – Аркен-Хар, небесный справа – Аландрия.

Под потолком висели поистине впечатляющие люстры на сотни свечей. В окна, сквозь редкое даже для столиц прозрачное стекло, светили две полные луны, большая белая и поменьше голубая. Столь значимая свадьба не могла проходить иначе как в двойное полнолуние – день, когда границы между мирами становились тоньше, магия сильнее, и боги приближались к людям, так что могли в полной мере свидетельствовать происходящему.

Грациозная невеста в сопровождении священнослужителей и торжественной музыки дошла до постамента. Принц, облачённый в белоснежный атласный камзол, подал ей руку, чтобы помочь преодолеть ступеньку. Черноволосая красавица подняла на Патриси взгляд, её щёки тут же зарделись,

ресницы задрожали, подкрашенные кармином губы тронула несмелая улыбка. Менфис стоял сбоку от постамента и гостей, но зрение его точно не могло подвести: Элеонора отвечала принцу взаимностью. Надежда на то, что этот брак принесёт и пользу обеим странам, и счастье ученику, была крепкой.

Молодые встали друг напротив друга, то заглядывая в глаза, то смущаясь и отводя взгляд. Жрец сделал шаг к ним, и музыка, наконец, смолкла.

– С благословения богини Эрастерии, покровительницы семейных уз, под священных взором двух лун и семерых первородных богов, что стоят у истоков нашего мира, призываю вас стать свидетелями заключения союза двух людей...

Жрец затянул традиционную молитву, во время которой молодым следовало подумать ещё раз, не зря ли стоят они на этом месте. Давно никто уже искренне не молился семерым первородным богам. Храмы их разрушились задолго до Баракорского вторжения, перевернувшего жизнь Аркен-Хара вверх дном, и даже некоторые имена богов забылись. Вот и Менфис не слушал монотонный голос служителя богини любви.

Его вдруг кольнула тревога: едва заметно, но атмосфера в зале изменилась. Менфис, привыкший верить интуиции, насторожился и оглядел зал.

Знатные гости сидели, глядя на жениха и невесту, кто-то шевелил губами, повторяя за жрецом молитву. За ними у

стен почтительно стояли ряды стражи и слуг. Здесь же были и нейтральные воины, нанятые обеими сторонами, – на всякий случай. Они выделялись тёмными кожаными доспехами без гербов и иной символики. Взгляд Менфиса зацепился за единственного инквизитора в алом плаще: может быть, он что-то колдует? Эти умеют... хоть и весьма странную, но эффективную в пытках магию Крови. Нет, инквизитор тоже глядел на жреца, притом, весьма равнодушно, то и дело перекатываясь с носков на пятки.

– Да услышат нас боги первородные и боги рождённые, в мире богов и в мире людей, в мире мертвых и мире живых, да станут высшие силы благоволить... – гулким эхом разносилась по залу молитва.

Напряжение усиливалось. Менфис не мог больше стоять на месте и начал пробираться вдоль стены к выходу из зала в надежде увидеть или почувствовать больше. Он вглядывался в лица, ему казалось, что он приближается к источнику беспокойства магических сил...

И тут сзади заорали.

Менфис резко обернулся и не поверил глазам: Патрис с неестественной ухмылкой на губах держал обмякшую Элеонору. Правая рука принца сжимала кинжал, пронзивший грудь девушки. На подвенечном платье расплывалось тёмно-алое пятно. Лицо же невесты выглядело изумлённым.

– Схватить!.. – громогласный голос отца Элеоноры, лорда-наместника Аркен-Хара, заглушил женские крики.

Гвардия наместника, опомнившись, ринулась на принца и в мгновение ока скрутила ему руки за спиной. Злобное выражение лица Патриса сменилось ошарашенным.

«Нет! Это навет!» – Менфису показалось, что его шанда-рахнули дубиной по голове. Он заставил себя отвернуться. Это не мог быть Патрис! Только не он, только не мальчик...

В отчаянии окинув взглядом шокированных гостей, маг вдруг заметил едва различимую тень, выскользнувшую из распахнутых дверей зала, и без раздумий кинулся следом. Стража пыталась перегородить выход, ему что-то кричали вслед, но Менфис не слышал. Он мчался по полутёмным коридорам, невероятным чутьём ощущая магический след. Теперь он узнал его. Тягостный, горький дух, будто кто-то курил дурманящую траву. След шаманского баракорского колдовства. Колдовства, которое он надеялся забыть и почти забыл за десяток лет с окончания Баракорского вторжения.

Теперь Менфису казалось, что этот дух был везде. Как он мог не заметить его раньше? Как мог не заметить, что Патри-са околдовали, а тот – не смог сопротивляться? После стольких лет обучения! Всё бесполезно. Если он не поймает баракорца, их обоих казнят, а между странами вспыхнет война. Бедные дети, они ведь могли быть так счастливы...

«Можно хоть что-то исправить, если поймать шамана! – одёрнул себя Менфис. – Элеоноре наверняка помогут... Есть ли у них маг Жизни или хотя бы Света, чтобы вылечить? Должен быть...»

Он выскочил на улицу и окинул взглядом освещённый факелами двор. Никого, кроме прислуги и охраны дворца, которые искоса поглядывали на запыхавшегося старика. Паника сюда ещё не докатилась.

– Здесь шел кто-нибудь до меня? Выходил с территория? – спросил маг у охраны; и без того неважный аркенхарский подводил его, выстраивать фразы грамотно и вежливо не было времени.

Охрана утверждала, что никого не видела с момента начала церемонии.

Куда мог деться баракорец? Даже если допустить, что он незамеченным выскользнул из дворца, то за его пределами тому наверняка понадобится лошадь, чтобы убраться отсюда подальше. Недолго думая, Менфис устремился в сторону конюшен. Грозный взгляд и знатный аландрийский наряд не позволили конюху возразить на требование тотчас выделить коня господину, и уже через пару минут волшебник верхом выехал со двора.

Чутьё вело мага к восточным воротам, однако в центральной части Митсаля в праздничную ночь было слишком оживлённо. Сегодня здесь разыгрывали представления шуты и актёры, разодетые по-южному, танцевали под дудочки и барабаны горожане, а лавочники загибали втридорога за аландрийские финики, персики в карамели и сладкую заморскую настойку из тростника.

Пробираясь через дворцовую площадь, Менфис почти от-

чаялся выследить невидимого преступника, однако стоило отдалиться от ярких огней и насыщенных ароматов, как он снова нутром ощутил смрад баракорского колдовства. Нет, он не витал в воздухе, и обычные люди никогда бы его не учуяли. Но у одарённого человека, кто хоть раз столкнулся с мучительной смертью собратьев от баракорских проклятий, это ощущение впечатывалось на уровне подсознания. У тех, кто послабее, в сопровождении животного страха, у тех, кто сильнее, – ненависти. И хотя Менфис не участвовал напрямую в войне за Аркен-Хар, но баракорские Мастера Проклятий когда-то добрались и до Аландрии, убив брата султана, сильнейшего на тот момент потомственного мага Воды. И вот опять...

Тревожный звон колокола накрыл улицы, позади волшебника прозвучал рог герольда, и город встал. Менфиса обдало холодом, и он, замешкавшись, оглянулся. Музыка, уже едва слышная, совсем смолкла. Малочисленные прохожие оборачивались в сторону дворца, и в полумраке среди домов волшебник слышал их недоумённые реплики:

– Траур?

– Что случилось?

– Сегодня же свадьба, кто умер?

Значит ли этот звон, что Элеонору не спасли? Или Патрис, его добрый Патрис, который никак не мог замыслить подобное преступление, погиб от рук стражи? Нет, нельзя отвлекаться и возвращаться, преступника нужно поймать, снять

все возможные обвинения с Аландрии!

Менфис пришпорил коня и галопом вылетел за Восточные врата. В свете двух полных лун он увидел на дороге одинокую фигуру удалявшегося всадника.

Магия баракорских шаманов отличалась от той, которой владели люди в Аркен-Харе, Аландрии и иных соседних государствах. Если людям способность управлять стихиями и иными элементами в стародавние времена даровали драконы, то степные кочевники взрастили способности на поклонении духам природы, а уже после приняли силу от демонов, существ из иного мира. Баракорцы приносили в жертвы животных и курили дурманящие травы, чтобы развить шаманский дар, – одним словом, дикари. Однако оставалось загадкой, как же баракорец смог побывать во дворце и выбраться оттуда, так мастерски скрываясь.

Менфис потерял цель из виду через час: всадник будто растаял в воздухе, когда на светила набежало облако. Ещё через пару часов шаманский дух стал заметно слабее. Скорее всего, преступник сильно оторвался от преследователя. Но хоть и сложно уловимый, след его магии всё ещё мог прочитать достаточно могущественный волшебник, коим Менфис привык себя считать. Он сумел уловить смену направления и вслед за предполагаемым убийцей свернул на север. К тому времени Менфис вынужден был замедлиться, потому что очень устал. Благородный уроженец пустынь, аландриец привык ездить в повозке для знати или на худой конец ска-

коть на верблюде, а необходимость держаться в седле при лошадином галопе сильно утомила старика. Но пока оставался хоть малейший шанс поймать баракорца, он не мог повернуть назад.

К рассвету выдохся и конь. Чтение магического следа тоже требовало концентрации, поэтому Менфиса начало клонить в сон. Пятая точка и бёдра ныли, спина и руки одеревенели, глаза щипало с недосыпа от первых лучей солнца. Но нужно было продолжать идти если не галопом, то хотя бы рысью, чтобы оставался шанс нагнать шамана. Ведь должны у преступника когда-то кончиться магические силы? Однако лучше бы не кончались, пока что использование колдовства шаманом работало на руку Менфису: он всё ещё мог идти по следу. Чтобы поддержать силы в себе и животном, маг наложил Исцеляющее прикосновение на них обоих, от усталости заклятие тоже помогало, хоть и ненадолго.

Наконец, шаманский дух вновь усилился, и Менфис ожил в надежде. Проехав ещё немного, он почувствовал, как след уходит направо, в лес, и тут же свернул за ним. Вокруг всадника выросли деревья, сперва редкие, но потом всё больше перемежавшиеся кустарником, и вскоре ему пришлось отмахиваться от вездесущих ветвей. Продвигаться дальше верхом не было смысла, и волшебник слез с облегчением. С сомнением поглядел на лошадь: привязать или отпустить? С одной стороны, его могут выследить, с другой, если он поймает шамана, надо же будет как-то возвращаться

в Митсаль... Поколебавшись, он всё-таки привязал жеребца, но некрепко, чтобы в случае голода тот смог сорвать коновязь и уйти. Уже позже, углубившись в чащу, он оглянулся и покачал головой: зря оставил коня. Жителю пустынь все деревья казались одинаковыми, на летней траве сам он следов бы не различил. Он может сориентироваться по солнцу и лунам, но не по растительности. Скорее всего, обратно к дороге маг если и выйдет, то иным путем, и наверняка не сможет найти коновязь.

Да, леса в Южном Аркен-Харе поражали. Ещё никогда Менфис не ступал в них настолько глубоко. В Аландрии, конечно, насчитывалось более двадцати видов пальм и множество плодоносящих кактусов, однако здесь достаточно влажный приморский климат вкупе с благодатной почвой создали условия для невероятного разнообразия. В воздухе разливался густой аромат цветов и птичьей трели. Лиственные деревья с цветущими лианами, колючие кустарники и сочная трава всячески пытались помешать волшебнику идти по следу. Он запыхался, пробирался сквозь густые заросли, неловко отмахиваясь от веток, которые лезли в глаза, то и дело цепляясь плащом за колючки. И в конце концов снял и бросил парадное одеяние под кустом, оставшись в рубаше, жилете и шароварах. Стало не так жарко.

Если бы не явственное ощущение, что шаман почти так же близко, как во дворце, Менфис бы повернул назад из-за опасения застрять в лесу навсегда или наткнуться на хищное

животное. Магия Воды способна и покалечить, и вылечить, но растрачивать силы на стычки с местной фауной не хотелось. И с приближением к предполагаемому лагерю баракорца волшебник стал ступать осторожнее и как можно меньше шуметь. Усилия оправдались: спустя пару часов с момента, как вошел в лес, он наконец услышал голоса.

Говорили на баракорском. Глухие, отрывистые фразы повисали в воздухе. Менфис затаил дыхание и постарался подойти ближе. Собеседники то перекидывались предложениями, то замолкали. Расстояние и слабое знание баракорского не давали разобрать смысл разговора. Место просто пропиталось шаманской магией, и оттого Менфис чувствовал себя крайне неуютно. Казалось, что он здесь как на ладони, как бы ни таился. Вглядываясь в деревья, он постарался хотя бы различить людей, чтобы оценить количество противников. Метрах в тридцати заметил натянутый выше человеческого роста тканевый полог, потянуло дымком от костра. Баракорцы, похоже, сидели на земле, и за кустарниками рассмотреть фигуры не получалось. По голосам выходило, что их, как минимум, трое.

«Как бы приблизиться к ним? Отвлечь внимание Водным элементом? Нет, заметят раньше, чем получится атаковать. Натравить Реплику? Потрачу много сил. Возможно, стоит попробовать окружить всю поляну Водной темницей и дожидаться, пока они потеряют сознание без воздуха, потом связать, допросить шамана...»

Размышления Менфиса прервал глухой треск дерева о его затылок, и сознание поглотила темнота.

– Хык за двор ца? Пор за хык во ту прам так?

– Не жна. Ва ту крца на ждо щкур су нал...

Гавкающие голоса доносились будто из тумана, смысл сказанного разбивался о боль в затылке. Старый волшебник лежал на спине в неудобной позе, с кляпом во рту. В глаза светило такое яркое солнце, что, казалось, если он их откроет, то снова потеряет сознание. Он хотел было инстинктивно простонать и пошевелиться, чтобы сменить положение, но его остановила мысль: «Баракорцы!» Менфис задержал дыхание и какое-то время лежал так, пытаясь понять, не выдал ли он себя.

– Прам за ключ на. Уск! Зар ца ра но? – сказал один из варваров и смачно сплюнул.

– Не су нал. Ру не на жух туз вклад.

Менфис медленно выпустил воздух из горевших лёгких. Голова постепенно прояснялась, хотя приложили его чем-то увесистым. Однако руки оказались связаны за спиной, да и ноги были до боли стянуты веревками. Дикари явно понимали, кто он, и что умелый волшебник может колдовать даже без рук, поэтому предприняли меры предосторожности, чтобы он не освободился.

«Как скверно всё вышло...»

Он постарался прикинуть, на каком расстоянии находятся баракорцы, могут ли они сидеть к нему лицом? Попытав-

шись чуть-чуть приоткрыть глаза и что-то увидеть из-под ресниц, Менфис лишь убедился в том, что солнце в зените. Значит, он валялся без сознания не меньше двух часов. Почему его не убили? Поразмыслив, Менфис постарался сосредоточиться и использовать все свои познания баракорского языка, чтобы хотя бы понять, что с ним будет дальше.

– За бер нал тоз манч вас ку!

– Нал кран то хищ за ше лукр?

– Зор туз нал се тас.

– Ту нез нар! Дзе той мо хар...

За полчаса из ленивого обмена репликами аландриец смог вытащить хоть какие-то ключевые слова: маги, дети, главный, горы, камни, вечер, тащить... Как будто выходило, что вечером они собирались вести его на встречу с главарем, но при чем тут дети? И как будто магов упоминали во множественном числе и не совсем в отношении Менфиса. По крайней мере, баракорцы не собирались сейчас его убивать, а значит, ещё есть шансы выкарабкаться.

Решив, что худший вариант, который ему сейчас грозит, – ещё один удар по голове, Менфис медленно и осторожно, в несколько этапов всё-таки сменил позу на сносную. Перевалился со спины на бок, повернул голову так, чтобы солнце грело левую щеку. Один из преступников после этого подошёл и пнул старика под колено, проверяя. Менфису стоило усилий не застонать. Зато потом поза дала возможность украдкой оглядеть лагерь: тент над баракорцами, ко-

стер, мясо на вертеле. Их оказалось пятеро. Низкорослые, коренастые, с типичной кожей желтоватого оттенка. Одеты по-аркенхарски, видимо, чтобы привлекать меньше внимания. Кто из них был во дворце, Менфис опознать не смог, хотя лицо одного украшали какие-то рисунки, и он говорил в приказном тоне.

«Четыре воина и шаман... Без шансов,» – обречённо подумал старик.

А во дворце даже не знают, куда он уехал. Возможно, вообще сочтут его сообщником Патриса, виновным в нападении на Элеонору. Лишь бы худшего не случилось! Хоть бы они начали разбирательство, а не действовали сгоряча! Назначили бы суд. Вызвали бы инквизиторов и привлекли придворных магов. Увидели бы след шамана, как и он...

«Маловероятно...» – в мыслях Менфис качал головой и привычным жестом задумчиво оглаживал бороду, а на деле старался не касаться языком грязной тряпки со вкусом земли во рту.

Магический след в воздухе таял слишком быстро. И шаман вряд ли оставил на месте преступления хоть какие-то ещё улики. Если уж баракорцу удалось обдурить его, хотя Менфис почти постоянно находился рядом с Патрисом, и всё равно не заметил, что принца околдовали... Ведь наверняка шаман воздействовал на разум мальчика не раз: жених должен был как-то спрятать кинжал в парадных одеждах уже после того, как слуги помогли ему облачиться. А уж затем

его нужно было второй раз зачаровать прямо в зале, чтобы напасть. Менфис знал и раньше, конечно, что умелые шаманы могут буквально влезть в голову животному или человеку и управлять им, видеть его глазами, говорить вместо него... Но чтобы магу, пусть и молодому? Осознание случившегося шокировало.

И потом, с какой целью баракорцы это сделали? Развязать новую войну? Просто убить ещё нескольких магов?

Когда почти пятьдесят лет назад баракорский вождь Но-Хад сумел объединить под своим началом десятки племён и повёл войско степных кочевников на бывшую империю Аркен-Хар, уничтожить главных защитников империи – волшебников – ему помог Мастер Проклятий Данис с учениками. Они накладывали необратимые проклятия на защитников, и те постепенно угасали, отдавая магические силы заклинателям. Данис погиб в битве при столице Амбер, но его последователи помогли Но-Хаду захватить весь Аркен-Хар. К тому моменту большинство магов и армия империи погибли. Нельзя сказать, чтобы при баракорцах Аркен-Хар процветал. Люди боялись жестоких степняков и их демонических богов. Кочевники же боялись знаний и культуры, сжигая книги и разрушая храмы. Смерть и разруха поселились в стране надолго. Некогда великая империя, уже и без того ослабевшая, пришла в упадок. После смерти Но-Хада лишь спустя два года власть сумел захватить уцелевший волшебник Брайфон. Он изгнал остатки захватчиков обратно в сте-

пи, но и тогда страна не оправилась от удара. И вот спустя несколько лет баракорцы вернулись, пусть и как шпионы. С какими целями?

Скорее всего, их мог по-настоящему испугать союз двух правителей-магов. Аркен-Хар и Аландрия вместе могли бы стать великой страной, как некогда империя Амбериона. И, конечно, у Патриса и Элеоноры родились бы одарённые дети...

Тягостные размышления мучили Менфиса до заката. Он крутил в голове варианты того, что случилось в Митсале после его отъезда, и как предотвратить новую войну, которая погубит ещё больше жизней. Он так и не придумал, как спастись из плена. Оставалось отдаться воле судьбы и молиться богине Фреятрон.

С наступлением сумерек баракорцы затоптали костёр, рывком подняли мага на ноги и повели на север. Двое впереди, двое сзади. Разрисованный к тому времени куда-то ушёл и не вернулся. Менфис попробовал что-то промычать, но один из головорезов грозно рыкнул на мага и сунул кулак в лицо. Разговоры их явно не интересовали.

Они шли всю ночь, днём сделали привал, а с закатом двинулись в путь снова. Менфису позволяли облегчиться, давали воды, вливая насильно в рот из фляги и тут же затыкая обратно, – чтобы не сумел вымолвить заклятия. К концу третьей ночи старик ослаб настолько, что еле передвигал ноги, мысли путались. Поэтому он даже не осознал, почему закри-

чали баракорцы, выхватили изогнутые мечи.

Над ухом просвистела стрела, Менфис рефлекторно упал на землю и скрючился. Прозвучал женский крик, похожий на боевой клич. Перед глазами мелькнули чьи-то бордовые сапоги и тяжёлые воинские, с металлическими наколенниками. Зазвенели клинки, в воздухе запахло магией, а потом палёным. Рядом упало тело баракорца. Уже через пару минут шум утих, и кто-то тронул его за плечо:

– Эй, уважаемый, как там вас, Менфис, кажется? Вы же Менфис, да?

– Да он это, он, – скептически заметил обладатель алых одеяний, говоривший с едва заметным аландрийским акцентом. – Я видел его на свадьбе у постамента...

– Мне тоже выдали подходящее описание: седой, бородастый, загорелый, синие с золотом одежды.

– Да вытащите вы ему кляп, в конце концов! – это девушка. – Он не может даже кивнуть, судя по виду. Дайте воды.

Когда его прислонили к дереву, вытащили тряпку изо рта и дали напиться, Менфис, наконец, смог сфокусироваться. Перед ним стояли широкоплечий, закованный в доспех рыцарь с пронзительным серым взором; одетая в легкую кожаную броню симпатичная русая воительница и темноволосый инквизитор явного южного происхождения в форменных алых одеяниях, старавшийся выглядеть равнодушным. Странная компания. И смутно знакомая.

– Благодарю. Кто... кто вы?

– Судьба твоя, – мрачно бросил воин.

– Да погоди ты, судьба! – девушка присела на корточки рядом с волшебником. – Меня зовут Виктория. Это Гордон, рыцарь из гвардии наместника, и инквизитор Махуд, уполномоченный именем лорда Гаррета Сертана вершить правосудие на месте. В крайнем случае. Если будете активно сопротивляться.

Она внимательно посмотрела на его реакцию, но Менфис лишь устало кивнул:

– Вы спрашивали... Да, Менфис – это я.

– Нас послали за вами из дворца, уважаемый, – продолжил рыцарь. – Вас считают причастным к убийству Элеоноры Сертан. И то, что вы сбежали сразу после нападения принца, вряд ли служит оправданием. Вы должны это понимать.

– Патрис... Элеонора... Они живы?

– Принца казнили за убийство наследницы. Она также скончалась от яда, не успели спасти, – сухо констатировал инквизитор, глядя на свои вычищенные ногти.

Менфис хотел вдохнуть, но не смог. Сердце сдавило удавкой. Он хотел заорать, возопить, зареветь, но смог выдать только жалкий хрип:

– Мой мальчик, как же так, нет... они невиновны... всё баракорцы, шаман...

Он ведь думал о том, что такой исход возможен. Что Патриса могут казнить. Но услышать эту новость оказалось

невыносимо больно. По щекам старика произвольно полились слёзы, он зашёлся в судорожных всхлипах и согнулся пополам, уткнувшись в колени. Он не мог даже закрыть лицо руками, всё ещё связанными.

Прошло какое-то время, и краем уха, остатками ошарашенного сознания Менфис слышал движения и тихие разговоры. Ему удалось взять себя в руки и восстановить дыхание, но старик всё ещё сидел, сгорбившись, пытаясь собрать мысли воедино. И вдруг почувствовал на руке металл, с прикосновением которого его магическая сила пропала, будто мгновенно ушла в глубины тела и разума, потерялась посреди одолевшего его горя.

Менфис от неожиданности поднял голову и увидел сияющие на браслете алые руны. Вот оно что: магия Крови, которая позволяет блокировать другую магию. Что ж, этого следовало ожидать.

После того как на нём застегнулся браслет, троица явно перестала опасаться волшебника. Виктория развязала ему руки и ноги и, сочувственно улыбаясь, предложила краюху хлеба и кусок сыра.

– Ну, будет, господин Менфис, – бросил Махуд почти презрительно. – Молодых уже не вернуть. А вы ещё можете помочь нам разобраться и поймать виновных, раз уж вы говорите, что принц ни при чём, а виноваты шаманы. Мы готовы выслушать вашу версию.

Менфис кивнул, вытер рукавом влажное лицо и с благо-

дарностью принял еду.

– Допустим, баракорцев мы действительно увидели, и они почему-то схватили вас, – кивнул в сторону четырёх трупов Гордон. – Так что случилось?

Менфис глубоко вздохнул, наконец выпрямился и, стараясь держать подобающее главному магу Аландрии лицо, рассказал отряду спасителей всё, с момента, как почуял чуждую магию в свадебном зале. Он говорил небыстро и порой останавливался, чтобы лучше подобрать слова на неродном языке.

– Они вели меня в какой-то пещер и говорили о пред... главном шамане. Говорили «дети», но я так и не понял этот смысл, – подвёл итог волшебник. Обвёл взглядом посланников лорда: – Я хочу знания, что делает Баракор опять здесь. Хочу... Хотел бы с вами знать, что там, в пещер. Может, мы спасём жизни. Аркен-Хару нужно знать о шаманах.

Во время его рассказа Гордон задумчиво мерил шагами поляну, Махуд стоял напротив и внимательно следил за каждым взглядом и жестом Менфиса, явно надеясь поймать на лжи, а Виктория сидела рядом на пне и периодически сочувственно качала головой. Когда он закончил, некоторое время все молчали. Воин остановился, инквизитор отвернулся, а наёмница поглядывала то на одного, то на другого.

– Что будем делать? – наконец, не выдержала она.

Инквизитор бросил через плечо:

– Пойдём обсудим.

Троица отошла на другой конец прогалины. Менфис же прислонился к дереву, закрыл глаза и постарался отрешиться, чтобы хотя бы немного передохнуть, не думать о случившейся трагедии и почему воля Фреятрон, покровительницы Аландрии, судеб и всех магов воды, привела его к такой судьбе. Богиня завещала плыть по течению, но вовремя делать взмахи руками, чтобы не утонуть. Верную ли реку выбрал маг, когда бросился догонять шамана? Как бы там ни было, сейчас у него точно нет ни паруса, ни весла, чтобы что-то изменить. Можно лишь успокоиться и принять случившееся с достоинством.

Медитация спасала любого волшебника от упадка сил и излишней эмоциональности. Менфис сам не заметил, как начал привычно одними губами произносить молитвы Фреятрон и погрузился в отрешённое состояние.

– Итак, господин Менфис...

Волшебник вздрогнул, очнулся и поднял глаза на худошавого и холодного инквизитора.

– Мы действительно решили сперва проверить ваши слова, а затем уже возвращаться в Митсаль. Если вы говорите правду, то казнить вас на месте будет второй ошибкой. Аркен-Хар ценит волшебников и не может себе позволить просто так убивать всех одарённых направо и налево, пусть даже из другой страны, тем более, ваше преступление не доказано. Поэтому вы пойдёте с нами. Правда, без возможности пользоваться магией, уж не обессудьте.

Менфис смиренно склонил голову:

– Я благодарен вам. Мне равно нет пощады. Нет места в Аландрии. Патрис... – тут его голос предательски сорвался, и после судорожного вдоха маг продолжил: – Не уберёт его. Султан не простит. Но... войну нельзя допускать.

– Точно. И чем скорее двинем, тем лучше, – бросил Гордон. – Поднимайтесь, уважаемый.

Опираясь на дерево, Менфис поднялся. На удивление, после еды и воды у него даже появились силы держаться на ногах. Будь у него магия, он бы восстановил себе силы эффективнее... Но он не мог винить посланников лорда за меры предосторожности. Они делали всё правильно.

Группа снова двинулась по лесу. Один конвой для Менфиса сменился другим, немного более дружелюбным. По крайней мере, Виктория всячески старалась смягчить обстановку и принялась расспрашивать Менфиса о том, каково это – жить в Аландрии. Да и дорога оказалась не столь тяжёлой: выяснилось, что чуть поодаль от поляны троица оставила лошадей. Инквизитор скомандовал Менфису сесть позади него, волшебник без слов подчинился, только на вопрос о направлении прикинул стороны света по утреннему солнцу и уверенно назвал ориентиром видневшийся над деревьями горный пик. А затем, совершенно истощенный ночным переходом и переживаниями, помимо воли уснул, прислонившись к алому плащу.

К предгорьям они выехали спустя несколько часов. Сов-

местной разведкой Гордон и Виктория обнаружили следы, которые вывели группу к пещере. Солнце только начало ка- титься к горизонту, когда они, спешившись поодаль и наблю- дая за входом, решали, как именно зайти, чтобы не привлечь внимания.

– Я могу пойти вперед и подам знак, если на входе не будет караула, – предложила Виктория.

– А если там и вправду шаманские чары? Можешь и не вернуться, – покачал головой Махуд.

– Мы все не лыком шиты. Идёмте вместе.

– А господин Менфис? – с сомнением оглянулась на ста- рика девушка.

– У него сапоги мягкие, тоже вполне может тихо двигаться. А почует шамана, нам скажет. Так, уважаемый?

– Так, – кивнул Менфис. – Скажу, если что чувствую.

– Решено. Идём. Тихо! – и Гордон двинулся вперёд, выта- щив клинок из ножен.

Виктория с взведённым арбалетом направилась следом, Махуд же сперва мотнул головой Менфису, а сам пошел за- мыкающим.

Вход оказался чист. Однако, судя по всему, пещера была большой и глубокой. Почти сразу проход начал опускаться, и уже через несколько минут солнце перестало освещать груп- пе путь. Шепотом помянув демонов, Махуд тронул простую серьгу в ухе, и над головой инквизитора загорелся неболь- шой белый огонёк.

«Магия Света, серьга из гранира, – отметил Менфис, – значит, в Аркен-Харе ещё остались артефакты, это отрадно».

Отряд продолжал неслышно двигаться вдоль гладких стен. Тишину нарушало только их дыхание и изредка из-под ног с тихим стуком укатывались мелкие камешки. В пещере было влажно и душно. Какое-то время пахло только мокрым камнем и мхом, но спустя примерно полчаса Менфис учуял шаманские травы вместе с духом баракорской магии. Он сказал спутникам, и они двинулись дальше ещё осторожнее. Тоннель теперь вел без уклона, прямой коридор уходил дальше в гору, лишь изредка поворачивая. Благо в нём не было ответвлений, иначе блуждать в лабиринте в темноте они могли бы долго.

Когда шаманский дух стал для Менфиса настолько густым, что хотелось зажать нос, они увидели отблески огня на влажных стенах. Махуд тут же погасил своего светлячка, все замерли. Судя по эху, за поворотом начиналась пещера, оттуда доносились негромкие песнопения.

Виктория знаками показала, что пойдет посмотреть, Гордон кивнул и пропустил её. Девушка осторожно подошла к повороту и выглянула. Затем пригнулась, шагнула туда и вернулась спустя минуту.

– Там есть площадка перед спуском в пещеру, можно подобраться ползком понаблюдать, – едва слышно проговорила она, приблизившись вплотную к мужчинам.

Гордон только кивнул и подал знак убрать оружие, при-

вычным движением отцепил металлические наколенники, оставив лежать их в тоннеле, потом первым опустился на четвереньки и так скрылся за поворотом. Остальные последовали его примеру.

Проход действительно заканчивался почти плоской полукруглой площадкой, похожей на балкон, даже ограждённой валунами, будто перилами. А сбоку начинался спуск в глубокую пещеру размером не меньше четверти дворца султана. Подобравшись максимально осторожно к краю площадки, отряд увидел внизу огромный костер, на котором в пору было жарить целого верблюда. Густой от трав дым достигал сводов, окутывая застывшие тут и там влажные сталактиты.

Пламя давало достаточно освещения, но вдоль стен в нескольких местах горели факелы, выхватывая сидящих на земле баракорцев. Вокруг костра плавными размеренными движениями, напоминающими скорее транс, чем танец, двигались несколько шаманов в набедренных повязках и масках с перьями. Один из них размахивал посохом, на конце которого горел зеленым огнем самоцвет, и напевал какие-то слова на баракорском. Как ни странно, рубленый, гавкающий язык при этом стал даже приятным на слух.

– Смотрите, там и вправду дети! – выдохнула рядом с Менфисом более остроглазая Виктория.

И тут он тоже заметил в дальнем конце пещеры три огромные клетки. Внутри жались друг к другу маленькие фигурки, в бликах пламени лишь изредка блестели их глаза. Двое

баракорцев как раз открыли дверь одной из клеток. Фигурки вжались в заднюю стенку, как будто могли отшатнуться от рук воинов в тесном пространстве. Но те схватили какого-то ближайшего малыша, на вид буквально лет пяти и, несмотря на попытки брыкаться и кусаться, потащили к кострищу.

– Зачем дети? – пробормотал Менфис и чуть приподнялся над камнями в попытке рассмотреть зал получше. – Есть? Приносить в жертву? Нужно выручать...

Говорил он негромко, но движение вышло слишком неосторожным, и вниз с обрыва покатались камни. На шум вскинули головы отдыхающие воины, кто-то вскочил и загомонил, указывая рукой наверх.

– Демоны тебя подери, спрячься! – прошипел Махуд и начал творить какое-то заклятие.

«Всеблагая Фреятрон!» – Менфис спрятал голову и распластался на площадке, коря себя за неосторожность.

Гордон тут же вскочил и бросился по узкой тропе вниз. Мечнику нечего было делать наверху и, видимо, он предпочел не дожидаться, пока баракорцы сами поднимутся на площадку.

Виктория прицелилась и выстрелила – и, судя по ещё более громкому крику, попала.

– Проклятье, слишком темно, чтобы нормально целиться!

– В бою могут задеть детей, – обеспокоенно посмотрел на неё Менфис.

Она покачала головой, перезаряжая арбалет:

– Тот мальчик рванул обратно к клетке. Главное, в дальний конец пещеры не стрелять.

Действовала наёмница крайне споро, и вскоре рядом с ухом Менфиса снова щёлкнул механизм, стрела её отправилась искать новую жертву. Затем девушка развернулась, чтобы вставить в желоб новый болт, бросила:

– Человек двадцать ближников, четыре лучника и пять шаманов. Откуда только они все здесь взялись?!

Инквизитор не ответил ей, завершая заклятие. Над его ладонью появились три слабо светящихся алым кинжала. Выкинув руку вперёд, Махуд метнул их куда-то вниз, вызвав новые крики. Кажется, в тот же момент клинок Гордона встретился с вражескими, до ушей отряда донесся лязг металла.

Пока его соседи готовили следующую атаку, Менфис всё-таки рискнул выглянуть из укрытия ещё раз: он не мог сидеть и слушать звуки боя, не оценивая обстановку. В свете факелов его взору открылась наседающая на Гордона толпа. Рыцарь не успел добежать донизу, и сейчас это обстоятельство спасало ему спину. Он стоял выше и мог наносить удары сверху. Менфис подивился мастерству Гордона, наблюдая, как тот рубанул руку одному баракорцу, задел шею второго, ткнул под рёбра третьего – и ближайšie противники повалились кто с обрыва, кто на тропу. Их заменили следующие, шагая прямо по телам. Рыцарь справлялся неплохо. Но баракорцев всё равно было слишком много.

Наблюдая за сражением на боковой тропе, Менфис едва

успел бросить взгляд на саму пещеру и вовремя пригнуться, заметив натянутые луки. Трое на балконе присели за валун плечом к плечу, над ними просвистели стрелы.

Прошло ещё несколько минут, похожих одна на другую: Виктория продолжала стрелять, Махуд – метать магические кинжалы.

– Мне нужно спускаться, – мрачно сказал Махуд, присев под очередным залпом стрел. – Я не эффективен на таком расстоянии. Ни одно заклинание не долетит, кроме сраных Жалящих ножей.

– Зато я сняла пару лучников и ближайшего шамана, – удовлетворенно хмыкнула Виктория. – Но потом этот, самый разряженный, выставил какой-то барьер. Его болты не пробивают.

– Как там Гордон? – обеспокоенно уточнил Менфис, переводя взгляд с девушки на инквизитора.

Как раз в этот момент они услышали разъярённый крик рыцаря и дружно выглянули. Воин продолжал отмахиваться от десятка кривых баракорских клинков на узкой тропе, но его ступни будто приросли к камню. Приглядевшись, Менфис понял, что того окутали древесные корни.

– Махуд, прикрой, я за ним! – крикнула Виктория, бросая арбалет. Она вынула из ножен короткий меч и, пригибаясь, помчалась вниз.

– Надо вытаскивать Гордона и уходить, – в руке Махуда из пустоты вырос полоторный клинок, светящийся такой же

красноватого цвета магией, как и его ножи. – Жди...

Не успел инквизитор договорить, как прямо над ними пролетело длинное призрачное копьё, вонзившись в стену над проходом в тоннель. Стены и пол вокруг них задрожали, с потолка посыпались булыжники, и когда копьё со вспышкой исчезло, оказалось, что выход наполовину завален. На расчистку теперь требовалось время...

– Драконы и демоны подери этих шаманов! – выругался Махуд, откашлявшись.

Менфис вытер рукавом слезящиеся от каменной пыли глаза и повернулся к инквизитору:

– Махуд, я могу помочь.

Тот с сомнением уставился на старика, явно прикидывая в голове варианты.

– Мы заодно. Мне не сбежать. Нет смысла.

– Аркен свидетель, не была бы патовой ситуация... – качнул растрепанными темными волосами Махуд. – Но я тебе верю. Нам не справиться одним, а ты, судя по рассказам, опытный маг. Помогите нам или победить, или хотя бы выжить, и я заступлюсь за тебя на суде.

С этими словами он дотронулся до браслета на руке Менфиса, и металлический обруч мгновенно распался на две половинки. Менфис закрыл глаза и глубоко вдохнул, чувствуя приливающую обратно магию. Она наполняла его, словно в пустующий сосуд хлынул долгожданный мощный поток. И вот он уже ощутил покалывание в кончиках пальцев, силу,

готовую прямо сейчас превратиться в овеществлённое заклинание.

Когда Менфис открыл глаза, одновременно произнося первые слова магической формулы, Махуда рядом уже не было – он мчался вниз, на выручку к спутникам. Виктория не смогла освободить Гордона от магических пут, и просто помогала тому отбиваться от нападающей толпы, однако их то и дело доставали клинки и стрелы. В какой-то момент девушка вскрикнула и припала на колени, рыцарь попытался её прикрыть.

Шаманы же снова творили какой-то заговор. Менфис понял, что нужно действовать быстрее.

«Так, первое – отвлечь внимание, второе – защита, чтобы выжить, третье – помощь ребятам», – прикинул план Менфис. Создание Водного элементаля не заняло много времени. Посреди пещеры, между баракорскими воинами и их шаманами появилось существо из воды под три метра ростом и заревело на всю пещеру, как тысяча штормов. Гулкое эхо разнеслось по залу, на него обернулись наседавшие на посланников лорда баракорцы, а дети в клетках сжались от страха. Водяной бросился на защитный барьер, который делил пещеру надвое. Светло-зеленая призрачная стена сдержала духа на пару мгновений, а затем просто лопнула, и элементаль кинулся на ближайшего к нему шамана. В него стреляли, но стрелы просто застревали внутри тела-субстанции и оставались болтаться там, не причиняя вреда.

Удовлетворенно кивнув, Менфис переключил внимание на отряд. Отвлекающий манёвр с элементом помог: Махуд успел добежать до Гордона и освободить его магическим клинком, и теперь первым наседали на баракорцев, заставляя тех спускаться вниз спинами вперед.

Следующим заклинанием Менфис накиннул себе на плечи Водный плащ, отражающий стрелы и вражеские заклятия, и как мог быстро, но осторожно направился вниз по узкой каменной тропе, стараясь держаться ближе к стене. К моменту, когда он достиг конца тропы, отряд уже спустился в зал и дружно добивал оставшихся, самых лихих степняков. Менфис окинул взглядом отряд: они явно пострадали. Виктория то и дело хваталась рукой за бедро, с виска её стекала струйка крови. Гордон потерял наручи и часть доспеха на левой руке вкупе с куском рубахи, из плеча будто выдрали кусок мяса. Инквизитор был цел и выглядел самым бодрым. Скорее всего, как маг Крови он мог тянуть жизненные силы из поверженных врагов.

Недолго думая, Менфис направил в сторону спутников Исцеляющую волну, которая разошлась светящимся голубоватым конусом. Раны их тут же затянулись, Виктория издала удивленный возглас, а Махуд, обернувшись, благодарно кивнул старику. Рыцарь и наёмница, подбодрившись, с удвоенной силой кинулись на оставшихся баракорцев, а инквизитор сделал шаг к стоящему спиной шаману и одним движением снёс ему голову. Элементаль тоже не терял времени

и успел расправиться со своим, так что шаманов оставалось двое, но один из них – владелец посоха – источал гораздо больше угрозы и магии, чем остальные вместе взятые.

И шаманы, как оказалось, не исчерпали все свои сюрпризы. Откуда ни возьмись, на спину Махуду бросился крупный призрачный зверь, похожий на рысь. А с другой стороны на водного элемента набросился такой же зеленоватый медведь.

Махуд, заорав от боли, обернулся и наотмашь ударил в полупрозрачного противника. Однако кровавый меч просто прошел сквозь кошку, не причинив ей видимого вреда. А вот спина и плащ Махуда сильно пострадали от длинных и вполне реальных когтей.

Менфис принялся быстро чертить руками в воздухе формулу заклятия Водная темница. В его руках начала разрастаться слабо светящаяся сфера, наполненная водой и, поймав момент, волшебник метнул её в атакующую Махуда кошку. Пузырь не лопнул, но и не прошел мимо, а будто бы охватил духа и заключил в объятия, подняв на пару метров над землёй. Кошка мотала лапами в водяном шаре, и это выглядело бы потешно, если бы у наблюдателей было время смеяться. Захлебнуться без воздуха она не могла, но хотя бы оставила инквизитора в покое.

Менфис обратил взор к оставшимся противникам. Дух-медведь разъярённо рычал и осыпал ударами элемента, но как его, так и ответные удары были бесполезны. Впрочем,

эти двое успешно отвлекали друг друга.

Внимание волшебника вновь привлекли шаманы. Их голоса зазвучали громче и всё нарастали, оба будто вошли в единый транс, движения синхронизировались, и вокруг посоха главного шамана разрасталось ярко-изумрудное сияние. Менфис не знал, что ещё могут выкинуть баракорцы, и лучше было не ждать окончания колдовского ритуала. Он вновь вскинул руки, мгновение помедлил, выбирая заклятие, и начал творить Водный молот. Обрушившись на шаманов, он должен остановить их раз и навсегда. Конечно, хорошо бы допросить их и узнать, кто из них убил Патриса и Элеонору. Понять, зачем они похищали детей и что тут устраивали.

Не думать. Слово, жест, слово, жест, сложить магическую формулу, выпустить силу через руки и голову наружу, воплотившая мысленный образ в огромный, метра в три молот из сгустка плотной, слегка светящейся голубоватой жидкости. Воздух едва слышно зазвенел от различной магии, схлестнувшейся в пещере. Голоса шаманов вплетались в этот звон, один высокий, другой низкий и гулкий, смрад баракорской магии боролся с лёгким бризом, что приносила могущественная магия Воды...

Менфис успел раньше.

Но из-за спешки Водный молот, размахнувшись, ударил не по головам шаманов, а по большому костру перед ними. Земля под ногами вздрогнула, где-то посыпались камни. И

ударная волна со звуком плеска моря о скалы разошлась во-круг.

Молот исчез, и наступила почти полная темнота. Вместе с ним исчезли и баракорские духи, и элементаль, и костёр, освещавшие пространство вокруг. В свете пары факелов, что остались гореть на стенах около клеток с детьми, Менфис разглядел, что на ногах устоял не только он, но и Виктория с Гордоном. Где-то ближе к потухшему костру разразился тихими проклятиями Махуд – по крайней мере, живой.

Наёмница метнулась к ближайшему факелу, подхватила его с держателя и осторожно двинулась к центру зала. Наступившую тишину нарушали лишь её лёгкие шаги, шорох чьей-то одежды и испуганное дыхание нескольких десятков детей. Свет пламени выхватил инквизитора, который как раз поднимался на ноги и отряхивался. А затем и влажное потухшее кострище, и лежавшего подле него младшего шамана.

– Куда делся ещё один? – донёсся до Менфиса удивлённый шёпот Виктории.

Все трое мужчин подошли ближе, Махуд снова зажёт «светлячка» над головой. Осмотревшись, они поняли, что главный шаман действительно исчез.

– Махуд, давай обобщем пещеру, кажется, там были ещё тоннели, – бросил Гордон, поджигая от факела Виктории ещё один. – Надо выбираться отсюда. Вы, уважаемый, займитесь детьми вместе с Викторией. Надеюсь, они вас послу-

шают.

Менфис кивнул синхронно с наёмницей, и они направились к клеткам. Одна из клеток, откуда вытаскивали мальчугана прямо перед внезапным боем, была открыта, но дети недоверчиво жались внутри, с опаской глядя на своих спасителей. Девушка, передав факел старику, присела на корточки перед дверцей и протянула руку, и с ласковой улыбкой произнесла:

– Привет! Меня зовут Виктория. Мы вместе с друзьями пришли вас спасти. Выходите, не бойтесь!

Дети нерешительно переглядывались, будто ища друг у друга поддержки, чтобы сделать шаг навстречу незнакомцам. Внимание Менфиса привлекла металлическая клетка. Она была сделана из подозрительно знакомого тёмного материала и украшена слабо светящимися рунами. Волшебник протянул руку...

«Антимагическая! – он отдёрнул пальцы одновременно с пронзившей его мыслью и перевёл взгляд на детей: – Неужели они?..»

Тем временем Виктория уже знакомялась с первыми смельчаками, выходившими из клетки.

– Как тебя зовут? Кай? Ты, кажется, здесь самый взрослый и самый храбрый, Кай. Поможешь нам вывести всех наверх? Нужно, чтобы вы взялись за руки по двое, вот так...

Вернулись Гордон с Махудом, прервав размышления Менфиса. Они не нашли шамана, но предпочли не углуб-

ляться в тоннели, которые уходили в гору. Инквизитор решил, что доставить Менфиса и спасённых детей в Митсаль важнее. Им и так потребуется время на расчистку завала и ожидание помощи из города. Не пешком же малышей вести, некоторые из них были совсем крохами. Так что, пока Виктория занималась организацией детской процессии, Менфис вновь призвал элементаря и отправился с его помощью выносить камни и освобождать проход. Элементарь стал сильными руками Менфиса, но волшебнику приходилось работать головой, так что подумать с толком о сбежавшем убийце наследников и что происходило в этой пещере, не было ни сил, ни времени.

Гордон, как только смог протиснуться в тоннель, сразу попрощался и направился на выход. Рыцарь надеялся до заката успеть отправить гонца в Митсаль с ближайшего блокпоста и привести несколько стражников для охраны спасённых. И лишь когда проход расчистили достаточно, и Виктория начала выводить нескончаемую вереницу забитых, худых, истощённых детей наружу, Менфис вернулся к своим мыслям о том, что они здесь делали. Рядом стоял Махуд и тоже провожал колонну в добрую сотню голов задумчивым взглядом.

– Ты же ощущать в них магию, Махуд? – прошептал Менфис, наклонившись ближе к инквизитору. – В каждом...

Собеседник помедлил, но кивнул:

– Похоже, баракорцы взялись за старое и хотели вырезать новое поколение магов.

– Это ужасно!

– Но они живы, Менфис. Благодаря вам, – Махуд взглянул на старика: – Вы не спасли своего принца, зато спасли последних магов Аркен-Хара.

На глаза Менфиса вновь навернулись непрошеные слёзы.